

О. В. Романько

КРЫМСКО-ТАТАРСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ: МЕЖДУ СТАЛИНЫМ И ГИТЛЕРОМ

Деятельность национальных движений народов Советского Союза в период Второй мировой войны относится к наиболее противоречивым страницам их истории. Борьба со сталинским режимом и стремление любой ценой добиться независимости от России привели националистов к закономерному союзу с гитлеровской Германией. Не было, в данном случае, исключением и крымско-татарское национальное движение, сотрудничество которого с нацистским военно-политическим руководством с 1941 по 1945 г. представляет собой типичный образец такого союза. Одновременно это сотрудничество, как в капле воды отразило все противоречия «восточной политики» Третьего рейха, например по отношению к такому явлению, как коллаборационизм. Наконец, взаимоотношения гитлеровцев с национальным движением крымских татар показательны с точки зрения преемственности использования «исламского фактора» во внешней политике Германии.

В силу многих обстоятельств лидеры крымско-татарского национального движения изначально считали, что добиться независимости Крыма можно только в союзе с Германией. Тем не менее на пути к этой цели их главным врагом был не только сталинский режим и его «длинная рука» на полуострове – советские партизаны. Немецкое противодействие крымско-татарским планам, иногда намеренно, иногда нет, было также значительным. Целый ряд инстанций Третьего рейха претендовал на монополию в «восточной политике», поэтому нацистское военно-политическое руководство так и не выработало четкого плана относительно послевоенного статуса Крыма. В целом, существовало несколько проектов, которые предусматривали или присоединение полуострова к «вассальной Украине», или превращение его в часть «Великой Германии», но со специальным статусом «немецкого Гибралтара». В последнем случае Крым должен был быть полностью очищен от местного населения и заселен немцами из так называемой Транснистрии (румынская оккупационная зона на территории СССР), Тироля и Палестины. Эти планы утверждались и

снова менялись на протяжении всего периода оккупации, но так и не стали реальностью. Но даже в незаконченном состоянии они оказали огромное влияние на положение и развитие крымско-татарского национального движения в годы Второй мировой войны¹.

Крымско-татарское национальное движение начало свою активную деятельность практически сразу, как только на территории полуострова был установлен немецкий оккупационный режим. В конце декабря 1941 г. в Бахчисарае был создан так называемый Мусульманский комитет, который возглавил бывший член крымско-татарской партии «Милли Фирка» («Национальная партия»)² Джемиль Абду-решидов. Через несколько дней комитет переехал в Симферополь. По замыслу основателей, эта организация должна была представлять всех крымских татар и руководить всеми сферами их жизни. Организационно Симферопольский мусульманский комитет состоял из восемнадцати человек: президента, двух заместителей и пятнадцати членов, каждый из которых отвечал за определенную сферу деятельности. Члены комитета утверждались начальником полиции безопасности и СД генерального округа «Крым» (с 1942 г. – генерального округа «Таврия»)³.

¹ Романько О. В. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941–1944). М., 2011. С. 8–25.

² «Милли Фирка» образована в июле 1917 г. группой молодых интеллигентов, получивших образование в Турции и Западной Европе. Основатели и члены Центрального комитета партии – Н. Челеби Джихан (Челебиев), Д. Сейдамет, Г. Айваз (редактор центрального органа партии газеты «Миллет»), Х. Чапчакчи, А. Озенбашлы и др. Партия придерживалась национал-демократической идеологии и выступала за построение светского общества. Некоторые члены находились под влиянием идей пантюркизма (Д. Сейдамет). В разные периоды политические цели партии варьировались от «национально-культурной автономии» крымских татар до создания «независимого Крымского ханства». В ноябре–декабре 1917 г. в Бахчисарае по инициативе партии был созван Курултай (конгресс) крымско-татарского народа, который избрал национальное правительство – Директорию. В январе 1918 г., после установления в Крыму советской власти, партия ушла в подполье. После захвата Крыма германскими войсками (весна 1918 г.) часть членов партии пошла на сотрудничество с ними (Д. Сейдамет и др.). Уход оккупантов из Крыма и установление власти пророссийского 2-го Крымского краевого правительства Соломона Крыма означал провал планов части членов партии по созданию на полуострове независимого Крымского ханства. С захватом Крыма Белой армией в партии произошел раскол: левое крыло выступило за поддержку большевиков и Советской России, а правое пошло на сотрудничество с белогвардейцами. После окончательного установления советской власти в Крыму (ноябрь 1920 г.) большинство членов левого крыла партии вступило в Коммунистическую партию, а сама «Милли Фирка» была запрещена. В дальнейшем многие из них подверглись репрессиям (1920-е гг.), другие были осуждены в 1930–1940-х гг. Часть же членов партии перешла с конца 1920-х гг. на нелегальное положение.

³ РГАСПИ. Ф. 625. Оп. 1. Д. 12. Л. 87 об.

Несмотря на то, что комитет был создан как крымско-татарская представительная организация, главной причиной, по которой немцы допустили его существование, было полное и безоговорочное участие националистов во всех мероприятиях оккупационных властей, которые те считали необходимыми в данный момент. А именно: борьба с партизанами и обработка в соответствующем духе крымско-татарского населения. Это были общие задачи для руководства комитета. Решением же конкретных вопросов занимались его соответствующие отделы:

- по борьбе с бандитизмом (так оккупанты называли советское партизанское движение);
- по комплектованию добровольческих формирований;
- по оказанию помощи семьям добровольцев;
- пропаганды и агитации;
- религии⁴.

В январе–марте 1942 г. подобные комитеты (с подобной же структурой) были созданы в Алуште, Бахчисарае, Евпатории, Карасубазаре (совр. Белогорск), Старом Крыму, Судаке и Ялте. Лидеры Симферопольского комитета имели определенные претензии на то, что их организация должна быть центральной и руководящей по отношению к местным комитетам. Однако оккупанты сразу пресекли всю деятельность в этом направлении. Правда, в дальнейшем, в своей повседневной работе провинциальные комитеты неофициально старались руководствоваться указаниями коллег из столицы⁵.

Оккупационная администрация наложила строжайший запрет на какую-либо политическую активность мусульманских комитетов. Однако лидеры крымско-татарских националистов не оставляли надежды получить более широкие полномочия. Эта борьба за расширение полномочий имела два этапа, которые по месту действия можно условно назвать «крымским» и «немецким». Первый этап продолжался до апреля–мая 1944 г. Лето 1944 – весна 1945 г. – период борьбы за политические права за пределами Крыма.

В апреле 1942 г. Джемиль Абдурешидов, Ильми Керменчиклы, Гжик Аппаз и др. разработали новый устав и программу деятельности Симферопольского комитета, которые предусматривали в конечном счете создание Крымско-татарского государства под протекторатом Германии. Документы были поданы на рассмотрение в Министерство по делам оккупированных восточных областей (Восточное ми-

⁴ Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg, Deutschland (далее – BArch). RH 20. Armeeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17. RH 20–17/713, Statuten des Tatarischen Komitees Simferopol. S. 1–3.

⁵ Романько О. В. Указ. соч. С. 137–138.

нистерство), тем не менее их утверждение не состоялось. После этого лидеры национального движения крымских татар разделились на две группировки: коллаборационистов, роль которых свелась к обычному пособничеству оккупантам, и сторонников так называемой третьей силы, считавших отныне своим врагом не только сталинизм, но и гитлеризм. Первых возглавил Абдурешидов⁶.

Деятельность их оппонентов связана с именем одного из лидеров крымско-татарского национального движения 1917–1920 гг. Амета Озенбашлы. Свои взгляды на программу сотрудничества с Германией он изложил в меморандуме, написанном в ноябре 1942 г. Несмотря на то, что этот документ был даже более умеренным, чем предыдущий, оккупационные власти не послали его в Берлин. После этого борьба между группировками национального движения продолжалась с переменным успехом еще год. В ноябре 1943 г. сторонники «третьей силы» потерпели поражение, а Озенбашлы, опасаясь репрессий, выехал в Румынию, где в 1947 г. был задержан советскими спецслужбами⁷.

После отъезда Озенбашлы мусульманские комитеты прекратили вмешиваться в политику и стали заниматься исключительно хозяйственными и благотворительными вопросами. Последние же два месяца перед освобождением Крыма большинство из них вообще не функционировало. Даже Симферопольский комитет состоял к марту 1944 г. фактически только из одного человека – председателя Абдурешидова. Хотя в комитете числилось еще одиннадцать членов, ни один из них участия в работе не принимал. По донесениям советских разведчиков на тот момент в Крыму уже не было таких лидеров, которые бы пользовались авторитетом среди крымских татар⁸.

В январе 1944 г. командующий войсками Вермахта в Крыму генерал-полковник Эрвин Йенеке приказал начать подготовку к созданию на полуострове «местного земельного правительства» (*Landesregierung*), которое должно было функционировать при общем надзоре оккупационной администрации. По замыслу немецкого генерала в него следовало включить лучших представителей трех основных этнических групп, населяющих Крым – крымских татар, русских и украинцев, главным образом – из числа сотрудников органов местного самоуправления или членов соответствующих нацио-

⁶ Государственный архив в Автономной Республике Крым. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 41. Л. 15.

⁷ Kirimal E. *Der nationale Kampf der Krimtürken mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917–1918*. Emsdetten, 1952. S. 315.

⁸ Романько О. В. Указ. соч. С. 149.

нальных комитетов. В дальнейшем в компетенцию данного правительства планировалось передать:

- руководство (только административное, но не политическое) органами гражданской власти, а также командование частями вспомогательной полиции;

- все вопросы, касающиеся религии и просвещения;
- благотворительность и судопроизводство.

На что в условиях полного окружения полуострова надеялся Йенке, понять сложно. Скорее всего, пропаганды в этом приказе было больше, чем реального отражения сложившейся ситуации. Тем не менее к марту 1944 г. вся местная администрация была, в основном, переформатирована согласно этому плану. Известно, что «земельное правительство» так и не приступило к работе – в апреле–мае 1944 г. Крым был полностью освобожден частями Красной армии. Пронацистские структуры прекратили свое существование, а некоторым из их сотрудников даже удалось эвакуироваться с отступающими немецкими войсками⁹.

Лето 1944 – весна 1945 г. – второй этап деятельности крымско-татарского национального движения и его борьбы за политические права. Этот этап прочно связан с именем Эдиге Кырымалы – эмигранта из СССР, который с 1932 г. проживал в Турции. В декабре 1941 г. он и другой эмигрант – Мустеджиб Улькюсаль – при поддержке немецкого посла в Турции Франца фон Папена прибыли в Берлин, где попытались вступить в переговоры с представителями нацистского политического руководства. В ходе встреч они высказали пожелание получить гарантии относительно будущей независимости Крыма и попросили допустить их в лагерь военнопленных, где содержались крымские татары. Разговоры о независимости Крыма немцы оставили без комментариев. В просьбе же посетить лагерь они, сославшись на карантин, отказали. Такое отношение со стороны руководства Третьего рейха к крымско-татарским эмигрантам можно объяснить следующим образом. В тот момент центром национального движения был Крым, и там находились организации, которые действительно имели авторитет у народа. Кырымалы и Улькюсаль же выступали по личной инициативе, без поддержки какой-либо серьезной силы. Наконец, известно, что нацисты крайне негативно относились к попыткам эмигрантов любой национальности проникнуть на оккупированные советские территории¹⁰.

⁹ BArch. RH 20. Armeeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17. RH 20–17/257. Bl. 108–110rs.

¹⁰ Mühlen P. von zur. Zwischen hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf, 1971. S. 123.

Тем не менее поездка Кырымалы и его спутника в Берлин имела определенные результаты. Им удалось остаться в Германии и заложить там основы для будущего крымско-татарского представительства, которое, со временем, станет центром национального движения. Весной 1942 г. с Кырымалем работало уже 12 человек. А в июле 1942 г. глава гражданской оккупационной администрации на Крымском полуострове генеральный комиссар Альфред Фрауэнфельд уведомил его, что правительство Германии признает этот берлинский «штаб, в качестве полномочного представительства крымских татар», но только в сфере экономических и гуманитарных проблем¹¹.

В ноябре 1942 г. Кырымаль, наконец, получил разрешение приехать в Крым. Целью его визита была встреча с представителями местной крымско-татарской общественности и установление прочной связи между двумя ветвями национального движения – в Германии и на родине. 16 декабря берлинская делегация провела совместное заседание с членами Симферопольского мусульманского комитета. Кырымаль проинформировал местный актив о работе своего представительства. Крымские националисты полностью одобрили деятельность берлинских националистов и признали их руководящую роль. После чего Кырымаль и его спутник Абдул-Халим Балич были избраны в состав комитета¹².

В январе 1943 г. Восточное министерство признало штаб Кырымалы единственным представителем крымско-татарского народа, после чего он стал официально именоваться Крымско-татарским национальным центром. Однако это еще не было полным признанием его самостоятельного политического статуса. В ноябре 1943 г. в составе Восточного министерства был создан крымско-татарский отдел, который должен был давать указания Кырымалю и его сотрудникам. Весной 1944 г. эта организация принимала активное участие в спасении членов крымских мусульманских комитетов. В целом, удалось эвакуировать 60 человек. Еще около 2 тыс. (в основном, бойцы полицейских формирований) были вывезены морем после начала боев за Крым¹³.

Осенью 1944 г. Кырымаль остался единственным лидером крымско-татарского национального движения, которого признавала Гер-

¹¹ Ibid. S. 124.

¹² BArch. RH 20. Armeeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17. RH 20–17/713; Major Gesandter von Hentig an den Oberbefehlshaber der Krim General Mattenklodt. Berlin, den 5. November 1942. Bl. 1–2.

¹³ BArch. RH 20. Armeeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17. RH 20–17/713, Befehlshaber Krim, Abt. VII, Tgb. Nr. 240/43, St. Qu., den 1. April 1943, Betr. "Besuch der tatarischen Emigranten Kirimal und Balitsch". Bl. 1.

мания. Однако фактически он уже никого не представлял. Крым стал снова советским, а численность крымско-татарских военнослужащих в Вермахте и войсках СС и «восточных работников» на территории Германии измерялась несколькими тысячами. Тем не менее даже в таких условиях, ключевым пунктом программы Кырымалы было достижение независимости Крыма. Эта позиция привела его в ноябре 1944 г. к конфликту с движением генерала Андрея Власова, т. к. Крымско-татарский национальный центр отказался присоединиться к Комитету освобождения народов России¹⁴.

Кырымал активно пропагандировал идею «тюркского единства». Крымские татары должны были не только получить независимость, но и почувствовать себя частицей «единого тюркского мира». С этими идеями он неоднократно выступал на страницах газеты «Kırım», первый номер которой вышел в Берлине 25 ноября 1944 г. Также Кырымал и его организация оказывал активную помощь при создании боевой группы «Крым» Восточно-тюркского соединения войск СС. Эта помощь заключалась главным образом в подготовке офицерских кадров¹⁵.

17 марта 1945 г. правительство Германии выступило с официальным заявлением, в котором Крымско-татарский национальный центр признавался «единственным представителем крымско-татарского народа». Его председателем оставался Кырымал, однако состав центра полностью обновлялся. Новый центр начал свою деятельность в апреле 1945 г. Первым его шагом стало заявление о том, что его главной политической целью является борьба за национальное и политическое освобождение крымских татар. Однако в условиях военного поражения Германии это событие не имело никаких последствий¹⁶.

* * *

Крымско-татарское национальное движение в годы Второй мировой войны нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, оно было типичным проявлением коллаборационизма. С другой – продолжением борьбы крымских татар за независимость, но в новых условиях. Советская пропаганда утверждала, что подобные движения не пользовались народной поддержкой, а их организации имели сервильный характер по отношению к оккупационному режиму. В ряде случаев

¹⁴ BArch. MСg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung). MСg 149/7. Bl. 131.

¹⁵ Там же. RS 3–39. Ostmuselmanische SS–Division. RS 3–39/1, Den persönlichen Bestand der Redaktionen der Zeitung die „Krim“. Bl. 1.

¹⁶ Kirimal E. Op. cit. S. 322.

так было и с крымско-татарским национальным движением, особенно после осени 1943 г.

Тем не менее нельзя отрицать, что до этого периода, например, деятельность мусульманских комитетов имела поддержку значительного количества взрослого татарского населения Крыма, благодаря чему оккупантам удалось завербовать в полицейские и военные формирования около 17 тыс. человек, и фактически поставить на грань уничтожения советское партизанское движение. Только коренной перелом на Восточном фронте и общее разочарование нацистской политикой привели к тому, что крымские татары опять стали поддерживать советскую власть.

Вся история взаимоотношений нацистского военно-политического руководства с национальным движением крымских татар свидетельствует о том, что оно не рассматривало их как равноправного союзника. И мусульманские комитеты на территории полуострова, и Крымско-татарский национальный центр на территории Германии были необходимы немцам, прежде всего, как инструмент оккупации и пропаганды, при помощи которого они собирались влиять на основную массу татарского (и нетатарского) населения. Сделав крымско-татарских националистов, в целом, опорой своего режима, нацисты противопоставили крымских татар остальным этническим группам, что не могло не отразиться в будущем на всей системе межнациональных отношений в Крыму. Естественно, что в такой ситуации все надежды лидеров крымско-татарского национального движения на создание независимого государства и таких его неотъемлемых атрибутов, как парламент, правительство, армия и т. д. оказались напрасными, а их деятельность стала оправданием для депортации крымских татар сталинским режимом.